

СИМОНЪ ВОЛХВЪ И ЕГО ВРЕМЯ.

(Историко-критическій очеркъ).

I.

Библейское извѣстіе о Симонѣ. Тюбингенская школа въ отношеніи къ исторіи Симона. Несостоятельность ея теоріи. Происхожденіе Симона. Пребываніе его въ Египтъ; знакомство и занятія съ ученымъ Апіономъ; образованіе; характеръ. Возвращеніе въ Самарію. Саддукейская секта самарянъ: Досифей и его ученики. Симонъ и Елена.

Неопредѣленность и отрывочность свѣдѣній о замѣчательномъ историческомъ лицѣ, обыкновенно, даютъ поводъ къ вымысламъ: чего не сообщаетъ исторія, то старается дополнить на этотъ разъ воображеніе поздняго поколѣнія, интересующагося судьбою историческаго лица. Само собою понятно, какъ трудна историческая критика при сужденіи о такихъ дѣятеляхъ, о которыхъ не передано полныхъ свѣдѣній, записанныхъ современниками. Ей остается въ этомъ случаѣ слѣдовать побочнымъ фактамъ, имѣвшимъ отношеніе къ историческому дѣятелю, и свидѣтельству лицъ, болѣе близкихъ къ его времени, держась и въ этомъ случаѣ извѣстныхъ правилъ.

Исторія Симона волхва также неопредѣленна и отрывочна. Въ краткомъ извѣстіи книги Дѣяній онъ является за-

*

— 4 —

гадочнымъ челоуѣкомъ. Своимъ искусствомъ онъ приводитъ народъ въ удивленіе и благоговѣніе къ своей особѣ, его считаютъ за великую силу Божію. Обищаніи подей, не одну чернь, а всѣхъ—это его реместо; и вдругъ такой мастеръ своего дѣла приступаетъ къ апостоламъ Христа, просить крещенія, предлагая деньги за сообщеніе ему дара—рукоположеніемъ низводитъ Св. Духа. Тутъ онъ узнаетъ однакоже безкорыстность галилейскимъ рыбаей. Пусть серебро твое—такъ обращается къ нему ап. Пётръ ¹⁾—будетъ съ тобою въ помыслѣ, ибо ты помыслилъ даръ Божій получить за деньги. Обищаніе приводитъ его, повидимому, въ раскаяніе, онъ проситъ молиться за него, чтобы ничто изъ сказаннаго не постигло его. Что значатъ слова эти? Раскаяніе? Но не видно, чтобы Симонъ присоединился къ обществу вѣрующихъ, и не стать во враждебной оппозиціи къ апостоламъ. Иронія? Но и этого не видно прямо. Больше о немъ нигдѣ въ новомъ Заветѣ не упоминается, хотя не разъ—не два говорится о жемчужинахъ, волхвахъ и даже лжемессіяхъ. У церковныхъ писателей есть не одно извѣстіе о Симонѣ. Самое важное свидѣтельство принадлежитъ Іустину мученику, какъ по времени, такъ и по особенностямъ отношенія христіанскаго философа къ Симону ²⁾. Іустинъ передаетъ, что еще въ его время почти всѣ самаряне почитали Симона за вселеннаго Бога. Нѣмецкіе ученые, Бауръ и его послѣдователи (любиненскіе критики), ухватившись за это извѣстіе и постаравшись историческое лице превратить въ мифъ. Разгуждаютъ такъ, въ повѣстаніяхъ христіанскихъ писателей Симонъ представляется волхвомъ, жившимъ ок. 40 г. по Р. Хр; съ другой стороны, по свидѣтельству Іустина мученика, Симонъ бытъ между са

¹⁾ Дѣян. 8. 19—25.

²⁾ 1 Аполюия, 14 и 56 *Разговоръ съ Трифимомъ*, 116

марянами почитаемъ какъ высочайшій Богъ. Не можетъ же быть, чтобы человѣкъ, спустя лѣтъ 130—40 послѣ смерти, возвысился въ пародномъ сознаніи до степени высочайшаго Бога. Стало быть, Симона нужно считать не за волхва, не за человѣка, когда либо жившаго, а просто за языческое божество самарянъ-язычниковъ, Семона Геракла, котораго почитали еще въ передней Азіи, гдѣ онъ представлялся разѣзжающимъ на солнечномъ кораблѣ вмѣстѣ съ богиней луны, Еленою. Симонъ волхвъ, такимъ образомъ, ни больше, ни меньше какъ воплощеніе или олицетвореніе этого языческаго бога самарянъ. Сказаніе о Симонѣ волхвѣ свидѣтельствуется только о разногласіи между христіанами Палестины и языческими самарянами. Самаряне божествамъ своей страны и особенно Богу солнца, Семону или Симону Гераклу, давали значеніе высочайшаго Бога; христіане же низводили его до степени простаго волхва. Христіанское сказаніе о Симонѣ отнюдь не исторія, хотя и имѣетъ историческое основаніе; можно даже думать, что оно вышло изъ главнаго іудео-христіанскаго направленія, враждебнаго ап. Павлу, такъ что подъ именемъ волхва Симона, пожалуй, скрывается апостоль языкъ, котораго хотѣли унижить іудео-христіане предъ своимъ апостоломъ Петромъ. Такова міѳологическая теорія тюбингенской школы о Симонѣ ¹⁾.

Чтобы доказать ея историческую вѣрность, нужно напередъ доказать три слѣдующія положенія, на которыхъ она основана: во первыхъ, что волхвъ, лжемессія, какимъ представляютъ Симона историки, не могъ приобрѣсти себѣ партію, которая бы приняла его за то, за что онъ именно хотѣлъ выдать себя, т. е. за воплотившагося Бога; во вторыхъ,

¹⁾ Das Christenthum der ersten drei Jahrhunderte, 1853. Baur. S. 79 ff., 197 ff.—Über den Simon Magier der Apostelgeschichte, theologische Jahrbücher.—Die Christliche Gnosis, Baur 1885. S. 302 ff.

нужно догазати, что въ исторіи нѣтъ факта, чтобы простые смертные возводились въ народномъ сознаніи до степени божества и чествовались; въ третьихъ, наконецъ, надо доказать, что у самарянъ существовалъ языческій культъ, языческое богослуженіе, иначе—доказать, что самаряне были язычники. Но ни одно изъ этихъ положеній не подтверждается исторіей. Что Симонъ пріобрѣлъ партію себѣ—это ясно видно изъ того, что до 7 в. существовала ересь симоніанъ, съ опредѣленнымъ ученіемъ ересіарха. Что Симонъ волхвъ выдавалъ себя за мессію или воплотившагося Бога, объ этомъ единогласно свидѣлствуютъ историки, христіанскіе и языческіе. Далѣе, что спустя полтора вѣка онъ могъ возвыситься до степени Бога въ сознаніи своихъ приверженцевъ—это не должно казаться удивительнымъ. Успѣхъ ложнаго мессіанства его обусловился успѣшнымъ исполненіемъ принятой имъ на себя роли съ одной стороны, а съ другой стороны зависѣлъ отъ религіознаго состоянія и настроенія вѣка, чаявшаго чего-то необыкновеннаго и погруженнаго въ глубокое суевѣріе. Римъ ожидалъ возвращенія золотого вѣка сыномъ Юпитера. Израиль чаялъ утѣхи Израиля, истиннаго Мессіи, котораго между тѣмъ предаль позорной смерти. Вѣра въ вочеловѣченіе божества глубоко коренилась въ сознаніи человечества и проходила чрезъ всю исторію. Индѣйское представленіе о вочеловѣчившемся Вишнѣ, тибетское—о богочеловѣческомъ Лассѣ и Тисулумбѣ можно считать предчувствіемъ великой истины, открывшейся въ христіанствѣ. Прикованный Прометей высказываетъ надежду, что придетъ тотъ, который освободитъ его отъ страданій. Въ Пифагорѣ греки, во время Аристотеля, видѣли сына Аполлона; жители Осаппа, во время Платона, Менелая почитали также за Бога. Эмпедоклъ, Діомедъ, пѣвецъ Ибикуса, также были окружены ореоломъ божества. Сократъ говорилъ, что богопознанію никто не мо-

жетъ научить, если не воплотится самъ Богъ. Все это показываетъ, что почитаніе самарянами Симона за Бога, какъ свидѣтельствуешь Іустинъ мученикъ, не было исключительнымъ явленіемъ въ исторіи, страннымъ и небывалымъ, чтобы истолковывать его въ смыслъ тюбингенской теоріи, т. е., что если самаряне почитали Симона за Бога, то онъ не могъ быть человѣкомъ, жившимъ 140 л. раньше. Симонъ не человѣкъ, не волхвъ, не историческое лицо, говорятъ тюбингенскіе критики, а олицетвореніе языческой религіи самарянъ, или Семона Геракла, бога солнца въ передней Азіи. Но спрашивается: чѣмъ были самаряне, язычниками или почитателями Іеговы? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, необходимо обратиться къ исторіи. Сами самаряне считали себя поколѣніемъ Іакова, отъ Ефрема и Манассіи. Александру В. они объявили себя хотя не іудеями, но все-таки израильтянами, что доказывается ихъ языкомъ, религіей и св. Писаніемъ. И недружелюбные іудеи не считали ихъ язычниками. Въ новомъ Завѣтѣ, какъ и въ ветхомъ, они именуются наряду съ іудеями и отличаются отъ язычниковъ ¹⁾. Правда, іудеи ихъ презирали, исключая ессеевъ ²⁾, съ которыми самаряне ладили,—и называли ихъ *куэерами*; но не потому, чтобы считали ихъ язычниками, а за то, что они не чуждались общенія съ язычниками, какъ іудеи, и смѣшались съ языческими поселенцами Самаріи, во время персидскаго владычества. Презрѣніе питали іудеи, жившіе въ собственной Іудеѣ, и къ жителямъ Галилеи; но развѣ изъ этого можно выводить, что и галиляне не были іудеи? Самаряне отличались отъ остальныхъ іудеевъ своимъ отношеніемъ къ иноземнымъ властителямъ. Во время персидскаго владычества они отличались преданностію

¹⁾ Дѣян. 1, 8; Матѳ. 10, 5; 1 Макк. 3, 10.

²⁾ Geschichte des Volkes Jsrael bis Christus, Evald, 4. 423.

къ двору, но все-таки не измѣнили вѣрѣ и обычаямъ отцевъ. Позже, при Александрѣ В., который покровительствовалъ имъ, они имѣли свой храмъ въ Хоразинѣ, своихъ священниковъ, перешедшихъ къ нимъ отъ іудеевъ. Хотя храмъ этотъ при Антиохѣ Епифанѣ и былъ переименованъ въ храмъ Зевса Ксеніуса, бога гостепріимства; но эта перемѣна въ имени можетъ говорить только о воспріимчивости самарянъ къ греческому образованію, но никакъ не о перемѣнѣ религіи и національности. Самаряне также легко освоивались съ греческимъ образованіемъ, какъ и александрійскіе іудеи; и отличіе ихъ отъ остальныхъ іудеевъ было такое же, какъ александрійскихъ іудеевъ отъ палестинскихъ. И самаряне и іудеи оставались почитателями Іеговы, не смотря на различіе во многомъ другомъ. Это обстоятельство, что самаряне легче и скорѣе освоивались съ греческимъ образованіемъ, чѣмъ остальные іудеи, и не такъ строго исполняли обрядовую сторону закона, было причиною того, что многіе іудеи, недовольные односторонностію іерусалимскихъ первосвященниковъ, переходили къ нимъ, чѣмъ они не измѣняли однакоже религіи и національности своей. Это же обстоятельство было причиною покровительства имъ Ирода В. (идумеянина по происхожденію), который построилъ имъ новый храмъ, послѣ разрушенія хоразинскаго, и, желая болѣе сблизить ихъ съ греческимъ образованіемъ, устроилъ для нихъ также театръ греческій въ Самаріи. Обращаемся къ вѣроученію самарянъ.

Они признавали единого Бога, откровеніе чрезъ Моисея и святость закона. Источникомъ ихъ вѣроученія служили пятокнижіе и книга Іисуса, сына Сирахова (на еврейскомъ языкѣ, писанныя самарянскими письменами), можетъ быть, отъ того, что эти только книги были во всеобщемъ употребленіи у іудеевъ до отдѣленія самарянъ. Далѣе, самаряне признавали бытіе ангеловъ, добрыхъ и злыхъ, судъ по

смерти, воскресеніе и всеобщее воздаяніе. Отрицали: предвѣдѣніе пророковъ, пророческія книги и іудейскія преданія; Мессію ожидали по предсказанію Моисея, но не пророковъ; соблюдали также іудейскіе праздники, хотя праздновали ихъ не въ одно время съ іудеями; ежедневную молитву совершали утромъ и вечеромъ; въ субботу прекращали всѣ занятія, исключая омовенія и очищенія тѣла, и собирались на общую молитву, въ бѣлыхъ одеждахъ ¹⁾).

Не смотря на свою приверженность къ закону (даже свое имя они изъясняли въ этомъ смыслѣ: *шомринъ*—почитатель закона), самаряне презирали многіе фарисейскіе обычаи іудевъ, напр. пришиваніе себѣ къ рукамъ и шеѣ полость и свертковъ съ надписями изъ закона. Что касается до текста Моисеевыхъ книгъ у самарянъ, то въ немъ допущены нѣкоторыя измѣненія, а именно: антропоморфизмъ въ немъ или вовсе устраненъ или ослабленъ поясненіями; тамъ, гдѣ Богъ непосредственно обращается съ человѣкомъ, поставлено «ангелъ», вмѣсто Бога; о человѣкѣ сказано, что онъ созданъ по образу ангела; въ видѣніи Іакова вмѣсто словъ «ангелъ Божій, освободившій меня отъ всѣхъ золъ» поставлено: Богъ освободившій меня и пр., чтобы не приписать ангелу того, что принадлежитъ самому Богу. Такія измѣненія внесены и въ еврейскій текстъ, и въ самарянскій переводъ книгъ Моисея. Изъ другихъ письменныхъ произведеній самарянъ видно, что они допускали посредничество между міромъ и Творцемъ; Бога отличали отъ проявленій Его въ видимомъ мірѣ, ангеловъ представляли копіями невидимаго царства, силами, созданными Богомъ, но безличными, жилище которыхъ—Хоразинъ, а личное проявленіе—человѣкъ.

¹⁾ Jost. Geschichte der Juden und seiner Secten, 1, 49—57.

Изъ всего этого видно, что самаряне были почитателями Іеговы, но никакъ не язычниками, хотя жили среди язычниковъ и не чуждались общенія съ ними. Изъ сказаннаго же будутъ понятны нѣкоторыя особенности въ ученіи Симона волхва.

Наконецъ, если обратить надлежащее вниманіе на самое свидѣтельство Іустина мученика, то никакимъ образомъ нельзя придти къ такимъ заключеніямъ, какія вывели тюбингенскіе критики. Въ самомъ дѣлѣ, Іустинъ говоритъ, что пока не сдѣлался христіаниномъ, онъ принадлежалъ къ приверженцамъ Симона, что самаряне подтверждаютъ свои обѣщанія божбою какъ почитатели Іеговы; далѣе, Іустинъ самарянъ и іудеевъ противопоставляетъ язычникамъ, какъ поколѣніе Іакова, и ни слова не говоритъ о томъ, чтобы существовало что-нибудь языческое въ вѣрѣ его соотечественниковъ, а онъ не могъ не знать этого, какъ самарянинъ ¹⁾).

Откуда происходилъ Симонъ? Климентины служатъ главнымъ источникомъ свѣдѣній о Симонѣ волхвѣ и его дѣятельности. Во время написанія этого историческаго романа еще ходила молва въ народѣ о чудесныхъ дѣлахъ волхва Симона, и авторъ Климентинъ воспользовался тѣмъ, что передавалось о немъ. Много сообщено о Симонѣ и церковными писателями, даже языческими историками. Симонъ родился въ самарянской деревнѣ Китта или Кета, близъ Сихема, резиденціи самарянскаго первосвященника. Родители его назывались Антоній и Рахиль. Въ молодости Симонъ изучалъ греческій языкъ, зналъ науки, упражнялся въ словопреніяхъ; изъ Самаріи путешествовалъ въ Египетъ для изученія магіи. Въ главномъ городѣ Нижняго Египта, цвѣтущей Александріи, много жило іудеевъ и самарянъ; завистливое и враждебное

¹⁾ Eriphan adv. haeres. 46. 1, p. 391.

отношеніе между тѣми и другими доходило здѣсь до открытаго раздора. Симонъ познакомился тутъ съ сочиненіями Филона и съ александрійскимъ ученымъ Апіономъ. Направленіе философіи Филона давно указывало строгому іудейству пункты примиренія какъ съ языческой философіей, такъ и съ самарянствомъ. Апіонъ считался однимъ изъ первоклассныхъ ученыхъ того времени. Въ царствованіе Тиверія онъ приобрѣлъ себѣ большую славу въ грекоримскомъ мірѣ сочиненіями по исторіи и философіи. Ему принадлежитъ между прочимъ сочиненіе о троянской войнѣ—родъ поясненнаго изданія Иліады, съ комментаріями. По своему направленію Апіонъ принадлежалъ къ партіи, враждебной іудейству. Извѣстно, что онъ принималъ (въ 38—40 г.) участіе въ жалобѣ александрійскихъ жителей противъ здѣшнихъ іудеевъ императору Калигулѣ; извѣстно, что онъ даже написалъ сочиненіе противъ іудеевъ, на которое тогда же отвѣтилъ Іосифъ Флавій извѣстною книгою «противъ Апіона»—въ защиту своихъ земляковъ. Лучшаго знакомства не нужно было Симону, какъ знакомство съ такимъ человѣкомъ. Симонъ питалъ національную антипатію къ іудеямъ; Апіонъ не любилъ ихъ за ихъ гордость и замкнутость. Вліяніе такого ученаго мужа не осталось безплоднымъ для Симона. Климентины представляютъ Апіона дозволяющимъ свободную половую любовь, внѣ брака. Это же было, какъ увидимъ послѣ, однимъ изъ существенныхъ заблужденій Симона, правиломъ его и его послѣдователей. Съ другой стороны, міеологическіе образы Гомера, усвоенные Симономъ изъ занятій съ Апіономъ, вызывали волхва къ другимъ выдумкамъ. Тутъ прекрасная богиня луны, чарующая Елена, стоитъ у воротъ Иліона и бесѣдуетъ съ обвороженными ею старцами. Тамъ она посылаетъ троянцамъ чудесный напитокъ, ночью приготовленный ею изъ разныхъ травъ. Въ цѣлой древности, особенно въ передней Азіи, бо-

гиния луны была представляема не иначе, какъ въ видѣ прекрасной женщины, обладающей тайнами чароуїства: отсюда и тупа сдѣлалась предметомъ магіи; въ магіи существовали заговоры, которыми чародѣи думали низводить на землю богиню. По міеологическому представленію поэговъ и сагисговъ, богиня въ состояніи была превращаться въ земную женщину. Еще за 700 л. до Апіона и Симона, лирикъ Стезихоръ выдумалъ такую сказку, будто сынъ Пріама, Паристъ, похитилъ не обыкновенную женщину, а призракъ или привидѣніе, заимствовавшій образъ у богини тупы, Елены. У другихъ поэтовъ сага шла еще дальше,—будто по возвращении изъ Трои Менетай снова нашелъ свою жену въ Египтѣ, чудесно перенесшуюся туда. Вмѣстѣ съ подобнымъ представлениемъ о богинѣ тупы, Еленѣ, Симонъ, нѣтъ сомнѣнія, познакомился съ египетскимъ, іудейскимъ и Фитоновымъ міро-воззрѣніями. Языческимъ египтянамъ тогдашняго времени матерью вселенной представлялась богиня тупы; философствующимъ іудеямъ Александріи—мудрость; для Фитона мудрость была не только матерью и промыслительницей міра, но даже дочерью «Неизсѣдимаго», супругою, съ которою «Неизсѣдимыи» произвелъ міръ, какъ сына. Въ такомъ духѣ и тонѣ появлялось не мало сочиненій, въ періодъ религиозной мечтательности, въ Александріи, гдѣ сталкивались религиозныя міровоззрѣнія—восточное, римское, греческое, іудейское и египетское. Вотъ какъ напр. париса къ небу «книга мудрости», написанная и пущенная въ ходъ здѣсь ок. 39—40 г. по Р. Хр. Цѣль ея—іудео-мессіанская. Въ ней новыи Соломонъ, мессіанскій царь, помощники себѣ выбираютъ саму божественную мудрость «Я звать и припелъ ко мнѣ духъ премудрости (такъ начинается новый Соломонъ); онъ есть дыханіе силы Божіей и обнаруженіе вѣчнѣи Божіей. Все, въ чемъ не обигаетъ мудрость, презираетъ Богъ. Ее любитъ

и искалъ я отъ юности моея; ее думалъ торжественно провозжать на брагѣ, какъ невѣсту; ибо пріятно общеніе съ нею, веселіе и радость отъ нея и безсмертіе въ ея дружбѣ. Помышленія смертныхъ ничтожны предъ нею, ихъ презираеть она; достойныхъ себя ища, ходитъ она кругомъ и на всѣхъ путяхъ дастъ себя видѣть, и при каждомъ появленіи встрѣчаютъ ее!»!

Подъ вліяніемъ такого религіознаго броженія въ Александрію и вѣдѣствіе знагометва съ Апіономъ сложилось міровоззрѣніе Симона волхва. Онъ занялся мыслію выступить съ мессіанскою ролью между своими соотечественниками, сыграть роль воплотившагося Бога въ языческомъ мірѣ, воспользоавшись религіознымъ настроеніемъ вѣка и склонностями людей. И самую Іудею, гдѣ на Голгоѣѣ уже была принесена великая жертва, волхвъ также могъ включить въ программу своей дѣятельности. Израиль не переставалъ ждать политическаго мессіи. Еще съ самыхъ дней Іоанна Крестителя, въ послѣдней трети правленія Августа Тиверія, вся іорданская страна, отъ окрестностей Генисаретскаго озера въ Галилеѣ до Мертваго моря въ самой Іудеѣ, оглашалась, вмѣстѣ съ долинами Самаріи, зовомъ, что близокъ мессія Израиля. Вся почва народной жизни, отъ источниковъ Іордана и подножія Ливана до Газы и границъ Аравіи, взрывается сильнымъ пламенемъ мессіанскихъ ожиданій въ духѣ національнаго пониманія іудеевъ; и «несчастный народъ позволялъ себя надувать обманщинамъ, которые лгали именемъ Божіимъ, и въ то же время презиралъ и не вѣрилъ явнымъ знаменіямъ» (Іосифъ Флавій). Это пстерпѣливое ожиданіе Мессіи какъ нельзя болѣе благопріятствовало бреднямъ чловѣка, обладавшаго необыкновенною возбуждаемостію духа, съ мечтательною напыщенностію соединявшаго трезвые расчеты обманщика.

Таковъ былъ именно Симонъ волхвъ; такимъ изображаютъ его древнѣйшія извѣстія церковныхъ писателей; съ признаніемъ его блестящихъ умственныхъ способностей и богатаго образованія, они говорятъ о его магическихъ занятіяхъ, которыя, конечно, не обходились безъ обмана и ослѣпленія. Кименины свидѣлствуютъ о его чрезмѣрномъ честолюбіи и падувателствѣ народа. Другой историкъ ересей (3 в.) передаетъ, что Симонъ былъ человѣкъ смѣлаго и дерзкаго ума, выдававшій многое за лучшее. Другіе церковные писатели приписываютъ ему много зла.

Никто не пророкъ въ отечествѣ своемъ: напротивъ, волхвъ Симонъ захотѣлъ сдѣлаться пророкомъ—мессіей въ своемъ отечествѣ. Изъ Египта онъ возвращается въ Самарію, и становится ученикомъ Досиоея, а потомъ занимаетъ его мѣсто въ школѣ. Кто такой Досиоей и какія обстоятельства связаны съ этою личностію?

Какъ между іудеями, такъ и между самарянами явились расколы. Историки расходятся въ мнѣніи о лицѣ Досиоея. Несомнѣнно то, что имя Досиоей греческаго происхожденія; оно встрѣчается по Р. Хр., когда греческій языкъ сталъ болѣе употребительнымъ между іудеями; подъ этимъ именемъ извѣстны нѣкоторые раввины первыхъ вѣковъ христіанства. Вѣроятно, Досиоей принадлежалъ къ первымъ годамъ нашего лѣтосчисленія ¹⁾. Это и необходимо допустить по связи съ нимъ Симона волхва. Отъ имени Досиоея получила свое названіе извѣстная секта досиоеяны въ Самаріи. Досиоеяне—тоже что самарянскіе саддукеи. Объ нихъ говорятъ многіе историки. Арабскій писатель, Мизуда, жившій въ 10 в., упоминаетъ о двухъ самарянскихъ сектахъ: *кушанахъ* или *кушанианахъ*, и *досѳанахъ* или *дустапахъ*. Досѳане утверждаютъ,

¹⁾ Jost, Geschichte der Jud. und seiner Secten I. B., 64 S.

по извѣстію арабской хроники Абулфѣда, жившаго въ 14 в., что прощеніе и наказаніе слѣдуютъ въ этомъ мірѣ, что нѣтъ будущей жизни; тогда-какъ, замѣчаетъ хроника, кушанитяне признавали загробную жизнь. Ясно, что досеане тоже, что самарянскіе саддукеи; названіе кушанитянъ указываетъ на остальныхъ самарянъ, въ древнемъ искаженномъ ихъ имени куоены или кугеаны. Эта же хроника прибавляетъ, что секта досеанъ называлась еще именемъ *Фани* ¹⁾. Что саддукейская секта далеко распространилась въ Самаріи, подъ именемъ досеанъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ писатель «опроверженія всѣхъ ересей», современникъ Оригена (вѣроятно, св. Ипполитъ), который сочиненіе свое началъ досеанами. О самарянскихъ саддукеяхъ упоминаетъ Кирилль іерусалимскій ²⁾; Епифаній кипрскій считаетъ Досею основателемъ саддукейской секты въ Самаріи и передаетъ, что по происхожденію Досею былъ александрійскій іудей, въ молодости отличался въ законѣ и знаніемъ іудейскихъ преданій,—что честолюбіе побудило его изъ ученика фарисеевъ сдѣлаться основателемъ саддукейства между самарянами. Къ этому Епифаній прибавляетъ, что Досею кончилъ жизнь свою голодною смертію въ пещерѣ, гдѣ самъ себя уморилъ голодомъ, желая показаться мудрецомъ. Александрійскій патріархъ Евлогій (6 в.), лично знавшій досеянъ, передаетъ, что между ними и остальными самарянами происходилъ споръ о такомъ предметѣ: первые Мессіей, о которомъ пророчествовалъ Моисей, считали своего учителя, а послѣдніе—Іисуса. Евлогій же свидѣтельствуетъ, что Досею отрицалъ воскресеніе мертвыхъ, будущій судъ, бытіе добрыхъ и злыхъ ангеловъ; душу считалъ смертною, преходящею, а міръ—бессмертнымъ, непреходящимъ ³⁾.

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ 18 Оглашеніе.

³⁾ Фотія патр. Bibl. cod. 230 р. 883--88.

И въ Климентинахъ есть общее указаніе на Досиоея вмѣстѣ съ Симономъ, какъ на приверженцевъ саддукейства; объ нихъ сказано, что они хулили Бога, отвергали воскресеніе мертвыхъ, и религіозное значеніе Іерусалима перенесли на Хоразинъ.

Началомъ выступленія Досиоея въ роли мессіи Климентины считаютъ годъ смерти Іоанна Крестителя; тогда, замѣчаетъ авторъ, злой врагъ, діаволъ, узналъ изъ древнихъ пророчествъ, что наступило время для него произвести смуты, чтобы задержать распространеніе вѣры въ грядущаго Мессію (т. е. Іисуса Христа). Начало своему расколу Досиоей положилъ избраніемъ 30 учениковъ и женщины, названной Еленою. Въ одной самарянскій хроникѣ, на арабскомъ языкѣ, сказано, что досиоеане бросили астрономическія таблицы си-хемскаго первосвященника и каждый мѣсяцъ стали считать въ 30 дней. Тридцать учениковъ Досиоея изображали это именно число луннаго обращенія. Какое значеніе имѣло присоединеніе Досиоеемъ къ ученикамъ своимъ еще женщины? Какъ образъ богини луны, Астарты, имѣвшей обширный храмъ въ Сидонѣ, на финикійскихъ монетахъ изображалось полнолуніе. Царицѣ неба, Астартѣ, во время пророка Іереміи израильтяне приносили жертвы. Въ видѣ прекрасной женщины эта самая богиня луны, или царица неба, перешла въ народное представленіе. Поэтому Досиоей нашолъ въ женщинѣ живой образъ богини луны.

Въ числѣ тридцати учениковъ Досиоея находился и Симонъ. Вотъ какъ представляютъ Климентины его поступленіе въ ученики къ Досиоею. Когда Досиоей стоялъ въ главѣ своихъ тридцати учениковъ съ Еленою, приходитъ къ нему Симонъ и умоляетъ его, въ случаѣ смерти кого-нибудь изъ 30 учениковъ, принять его, Симона, къ себѣ въ ученики. Случай представляется, и Симонъ вступаетъ въ общество

учениковъ Досиеея. Скоро однакоже добрыя отношенія между учителемъ и новымъ ученикомъ измѣняются. Симонъ началъ унижать Досиеея въ глазахъ другихъ, говоря, будто онъ не учитъ истинѣ не потому, что не хочетъ другимъ давать то, что самъ имѣетъ, но потому, что онъ не знаетъ лучшаго. Услышавъ объ этомъ Досиеей и для возстановленія къ себѣ уваженія взялся за палку; но въ ту самую минуту, когда палка должна была пройти по спинѣ непочтительнаго ученика, онъ превращается въ привидѣніе. Изумленный учитель спрашиваетъ: въ призрачномъ-ли тѣлѣ вижу тебя? скажи, чтобы почтить мнѣ тебя! Да, это я «стоящій» предъ тобой, какъ призракъ! Тогда палъ ницъ Досиеей, поклонился и уступилъ мѣсто свое Симону, а самъ сдѣлался его ученикомъ. Все-таки хладнокровно не могъ Досиеей перенести такого позора, изъ учителя стать ученикомъ, и скоро умеръ.

Что бы ни лежало въ основаніи этого разсказа Климентинъ,—все равно. Дѣло въ томъ, что Симонъ былъ признанъ за Мессію, какъ «стоящій» или предстоящій; потому что выраженіе это указываетъ на мессіанское достоинство великаго пророка, предсказаннаго Моусеемъ. Выраженіе «стоять», «предстоять» предъ Богомъ часто встрѣчается въ книгахъ Моусея; оно употреблено и въ самомъ пророчествѣ о имѣющемъ явиться пророкѣ: *пророка отъ братіи твоея яко же мене возставитъ тебѣ Господь*. Въ псалмахъ Мессія представляется сидящимъ одесную Бога; у пророковъ также; въ цѣломъ новомъ завѣтѣ только одинъ разъ употреблено «стоять», именно въ книгѣ Дѣяній ап. сказано о Стефанѣ, что онъ увидѣлъ небо открытымъ и Иисуса стоящимъ одесную Бога. Въ іудео-христіанской теософіи и у Филона особенно Логосъ, Сынъ Божій называется стоящимъ, т. е. выше другихъ божескихъ силъ. У самарянъ пророческія книги и псалмы не признавались богодухновенными, и потому о мес-

сіанскомъ достоинствѣ Симона волхва, въ кругу ближайшихъ его приверженцевъ, сказано, что онъ стать »стоящимъ« — выраженіе заимствованное изъ книгъ Моисея и іудейской теософіи, которую изучилъ Симонъ въ Александріи.

Симонъ, ставъ во главѣ тридцати учениковъ Досиоея (такъ продолжаютъ рассказъ Климентины), влюбился въ женщину, изображавшую въ обществѣ учениковъ Досиоея богиню луны, Елену, и называвшуюся этимъ же именемъ. Что это за женщина и какъ она попала въ общество Досиоевыхъ учениковъ? Ириней ліонскій, а за нимъ церковные писатели, какъ напр. Іустинъ мученикъ говорятъ, что свою Елену Симонъ досталъ въ финикійскомъ городѣ Тирѣ; тамъ будто она содержалась въ публичномъ домѣ и взята оттуда Симономъ. Ириней прибавляетъ къ этому, что Симонъ сначала изъ стыда только предъ своими учениками прибѣгъ къ вымыслу, будто Елена—праматерь всего и божественная сила, переселившаяся въ эту заблудшую овцу. Очеридно, свидѣтельство Иринейя противорѣчитъ извѣстію Климентинъ, что Досиоей включилъ въ общество своихъ учениковъ еще женщину, Елену, изображавшую древнюю богиню луны. Какъ примирить это противорѣчіе? Кесарія, гдѣ Симонъ встрѣтился съ апостолами, служила резиденціей римскаго градоначальника. Въ этомъ городѣ, по извѣстію Іосифа Флавія, жили іудеи, самаряне и тирскіе выходцы. Очень вѣроятно, что Елена принадлежала къ тирской фамиліи, въ Кесаріи. Во время св. Иринейя (ок. 140 г.) извѣстія о Симонѣ и его помощницѣ переходили изъ устъ въ уста. Ириней слышалъ, что Елену называютъ тирянкою, и также знаетъ объ ея прежнемъ поведеніи. Вслѣдствіе этого, ему очень могло представиться, будто Елена содержалась въ публичномъ домѣ въ Тирѣ и оттуда взята Симономъ. Можетъ быть далѣе, что Елена, считаясь въ обществѣ учениковъ Досиоея, не жила

однакоже съ ними, а оставалась или находилась въ публичномъ домѣ, чѣмъ не могли стѣсняться либеральные ученики Досиѣея и онъ самъ.

Занявъ мѣсто Досиѣея, Симонъ взялъ Елену къ себѣ и жилъ съ нею, а чернь увѣрялъ, что Елена—праматерь мудрости, низшедшая на землю въ видѣ женщины, та самая Елена, за образъ которой нѣкогда дрались троянцы и греки, и которая очаровала старцевъ у воротъ Трои; самъ же Симонъ—высочайшая сила Божія, превосходящая достоинствомъ іудейскаго Бога, Творца міра.

Эти два положенія составляли основу Симоновой ереси. Предсудительное отношеніе свое къ Еленѣ онъ возвелъ на степень догмата. Не мало нужно было умѣнія, чтобы такимъ мечтательнымъ представленіемъ завоевать силу господства надъ человѣческимъ смысломъ. Симонъ хорошо понималъ, на кого онъ дѣйствуетъ, чѣмъ и какъ дѣйствуетъ. Суевѣріе и ожидающее настроеніе религіознаго чувства потомковъ Іакова служили главною пружиною, чрезъ которую онъ думалъ дѣйствовать, чтобы завоевать себѣ мессіанское достоинство; склонность къ александрійской мечтательности избавляла его отъ насмѣшекъ, а магическое искусство во всѣхъ его развѣтвленіяхъ представляло ему какъ бы сѣть для ловленія людей.

II.

Начало мессіанской роли Симона. Маія въ греко-римскомъ мірѣ и въ народъ Божіемъ. Магическія занятія Симона. Столкновеіе съ апостолами, по Климентинамъ, и неудачи. Ученіе. Римское общество въ нравственно-религіозномъ отношеніи, при императорѣ Клавдіѣ. Путешествіе Симона въ Римъ при Клавдіѣ. Неудачи въ Антиохіи. Симонъ въ г. Павось, на о. Кипръ.

Когда Симонъ волхвъ выступилъ въ роли Мессіи? Время открытаго выступленія его приходится между 31—46 годами по Р. Х., когда Спаситель уже вышелъ на общественное служеніе. Отъ времени выхода Спасителя и до времени открытаго гоненія на апостоловъ въ Іерусалимѣ, Симонъ, по извѣстію Климентинъ, находился въ Самаріи; здѣсь онъ приготовлялся къ мессіанской дѣятельности между своими соотечественниками. Изъ книги Дѣяній видно, что еще до прихода Филиппа, Іоанна и Петра въ Самарію Симонъ слылъ «великою силою Божіею» между своими соотечественниками. Болѣе точно опредѣляетъ это время Іосифъ Флавій. «Весною 36 года или зимою 36—37, говоритъ іудейскій историкъ, вышелъ между самарянами фокусникъ, который увлекъ за собою народъ; онъ просилъ показать ему пещеру на горѣ, гдѣ первоначально Моисей закопалъ книгу закона. Положено было въ опредѣленный день выкопать и объявить народу эту книгу, чтобы подъ предводительствомъ пророка или Мессіи предсказаннаго Моисеемъ, онъ началъ новую жизнь. У деревни Тириѳана или Тирибафа, при подошвѣ горы уже собрались народныя массы, когда правитель страны, Пилать, живо помнившій печальную судьбу мнимаго іудейскаго царя въ Іеру-

салимѣ (т. е. Спасителя), со всѣхъ сторонъ окружилъ гору войсками. Бунтовщики противъ власти кесаря были строго наказаны; многіе легли на мѣстѣ, многіе разсѣялись, а самыя жаркіе приверженцы бунта поплатились жизнію, были казнены». Можетъ статься, что лжепророкъ, имени котораго не упоминаетъ Іосифъ Флавій, содержался въ числѣ плѣнныхъ, а потомъ получилъ свободу, когда народное волненіе успокоилось. Такимъ образомъ патріотическая затѣя самарянскаго мессіи кончилась тѣмъ же, чѣмъ кончилось возстаніе извѣстнаго Осдды при апостолахъ и Баръ - Кохбы (прежде раввина) при Адріанѣ, или египетскаго лжепророка, который ¹⁾ съ четырьмя тысячами человѣкъ занялъ масличную гору, чтобы идти на Іерусалимъ и взять священный городъ отцевъ. О самарянскомъ бунтовщикѣ извѣстно далѣе, что онъ еще въ годъ смерти Спасителя выдавалъ себя за самарянскаго пророка. По мнѣнію одного современнаго историка іудейства ²⁾, этотъ лжепророкъ и мессія—одно лицо съ Симономъ волхвомъ. Первая его мессіанская попытка (въ годъ смерти Спасителя) будетъ такимъ образомъ совпадать съ ближайшимъ временемъ возвращенія его изъ Египта въ Самарію; обстоятельства же его отношенія къ Досіѣею и досіѣевою школою приходятся между этимъ возвращеніемъ и несчастнымъ случаемъ, на который уазано выше со словъ Іосифа Флавія.

Главное дѣйствующее лице въ этихъ событіяхъ называется двумя именами: волхвомъ—фокусникомъ и лжепророкомъ—лжемессіей. Оба эти названія одинаково хорошо идутъ къ Симону. Цѣль его дѣятельности была чисто-мессіанская. Магія имѣла въ его рукахъ, какъ сказано выше, значеніе

¹⁾ Дѣян. 21, 38—39.

²⁾ Ewald. Geschichte d. Vol. Isr. 5, 6, 39.

средства или орудія опутывать людей. Утвердить свое мессіанство между обольщенными—въ этомъ заключалось его искусство. Нельзя не согласиться, что волхвъ близко изучилъ наклонности людей, на которыхъ думалъ дѣйствовать. Вѣра въ магическое искусство царствовала тогда не въ одной черни; въ силу его вѣрили даже образованные люди того времени. Плиній старшій, говоря въ своей естественной исторіи о магіи, что она возникла изъ наблюденія надъ вѣшней природою, астрологіи и изъ врачебной науки, въ которой дано значеніе врачебнаго средства и силѣ религіозныхъ понятій, ни мало не сомнѣвается въ возможности магической силы. Люди вполне вѣрили магіи, потому что она гармонируетъ съ желаніемъ человѣка—стать выше границъ, указанныхъ ему въ знаніи и въ дѣйствіяхъ, освободиться отъ строгой подчиненности общей міровой жизни, даже пріобрѣсти силу надъ обыкновеннымъ порядкомъ вещей въ природѣ. Къ этому стремилась и магія. Этой цѣли надѣялась она достигнуть силою т. наз. магическаго камня, растеній и растительныхъ корней, цѣлительными и проклинательными формулами, поясами, вѣнцами, кольцами, амулетами, магическими узлами, прикосновеніемъ тѣла и пр. Сила магіи простиралась на природу, на людей, не только живыхъ, но и мертвыхъ, и наконецъ даже на самихъ боговъ. Павзаній и Аѳиней разсказываютъ о магическихъ превращеніяхъ воды въ вино; магики въ состояніи были даже образовать горящую воду. Дыханіемъ отворять двери, освобождаться изъ узъ, дѣлаться невидимымъ, летать по воздуху, ходить по морю, представлять говоряція статуи, танцующія корзины: все это входило въ программу тогдашней магіи и всѣмъ этимъ занимались магики при чародѣйствѣ Медеи, при Приптоломосѣ, Аполлоніѣ-Тіанскомъ, Лукіанѣ, лживомъ философѣ и др. Особенную славу магическаго искусства составляло леченіе больныхъ; для этого магики при-

бѣгали къ натиранію больнаго масломъ, таинственному дунуванію на глаза, къ заговорамъ и пр. Лечили магики также слѣпыхъ, и рассказываютъ, что во время Веспасіана и Адріана многимъ они возвращали зрѣніе. Въ область магіи входило и вызываніе духовъ и мертвыхъ. Извѣстный Апіонъ заклиналъ Гомера, и когда явилась тѣнь старика, онъ спрашивалъ ее о древней Греціи. Аполлоній Тіанскій вызывалъ тѣнь Ахиллеса на его могилѣ. Убіица родителей, Неронъ, также импер. Каракалла спрашивали, первый—душу своей матери, этотъ—брата. Духозаклинаніемъ, съ жертвами и заговорами, занимались въ Римѣ Апій и Фитиній и др. Вѣнцемъ магическаго искусства считалось заклинаніе боговъ и демоновъ, къ которымъ принадлежатъ будто бы и души умершихъ людей. Іосифъ Флавій рассказываетъ, что видѣлъ собственными глазами, какъ одинъ іудейскій чародѣй, во время іудейской войны, изгналъ изъ бѣсноватаго, въ глазахъ императора Веспасіана, нечистаго духа. Къ этому роду магическаго занятія относится и мнимое воскрешеніе мертвыхъ. Эмпедоклъ пользовался славою бога за воскрешеніе одной женщины. Прославлены за это же богъ здравія Эскулапъ, чародѣйка Канидія (при Гораціѣ) въ Солуни и особенно Аполлоній Тіанскій, во второмъ вѣѣ по Р. Хр. Центромъ греко-римской магіи во время апостоловъ былъ Ефесъ.—Магія существовала и въ народѣ Божіемъ. Это видно изъ примѣра аендорской волшебницы, вызвавшей тѣнь Самуила. Это же самое подтверждаютъ и нѣкоторые языческіе писатели. Плиній и Ювеналь передаютъ, что въ ихъ время между іудеями были магики, которые происхожденіе своего искусства относили къ Моусею, изучившему магію будто въ Египтѣ. Волшебница аендорская, чародѣй Баръ-Іешуа въ Паѳосѣ, побѣжденный ап. Павломъ, сыновья Skeфы первосвященника ¹⁾ были, ко-

¹⁾ Дѣян. 19, 13—16.

нечно, не единственные лица, занимавшіяся чародѣйствомъ. Евангельская исторія свидѣтельствуєтъ, что именемъ Господа Спасителя нѣкоторые пользовались для изгнанія бѣсовъ, такіе, которые однакоже не принадлежали къ числу учениковъ Господа. Клевета фарисеевъ на Христа, что Онъ изгоняетъ бѣсовъ силою князя бѣсовскаго, указываетъ на существовавшій тогда способъ заклинанія именемъ Веельзевула. Сами фарисеи занимались чародѣйствомъ; имъ занимались даже богобоязненные ессеи; послѣдніе во время болѣзней прибѣгали не къ врачевнымъ пособіямъ, а большею частію къ заклинаніямъ по формуламъ славной магической книги *Сеферъ Ресфуодъ*, которую приписывали царю Соломону, считавшемуся въ народномъ представленіи специалистомъ по этой части ¹⁾ Іустинъ мученикъ передаетъ, что ессеи исцѣляли даже такихъ бѣсноватыхъ, которыхъ не въ силахъ были исцѣлить языческіе духозаклинатели ²⁾.

При такой распространенности магическаго искусства и вѣры въ него даже образованныхъ людей тогдашняго времени, Симону волхву не составляло большой трудности объявить себя и пророкомъ и мессіей, стяжавши сначала славу въ народѣ своими магическими занятіями. Если въ греко-римскомъ обществѣ это было возможно, то тѣмъ болѣе между самарянами, народомъ менѣе образованнымъ и притомъ чуждымъ политическаго мессіи и пророка.

Мы сказали, что магія служила для Симона средствомъ къ достиженію цѣли, которую онъ предначерталъ себѣ—сдѣлаться всемірнымъ мессіей. Онъ зналъ слабую сторону современнаго человѣчества. Суевѣрному, потерявшему религію и философію, обществу не могли казаться богохульными и

¹⁾ Graetz, Geschichte d. Juden. B. 3. SS. 102—3.

²⁾ Апологія, 1, 45.

дерзкими сумазбродныя заявленія шарлатановъ, подобныхъ Симону волхву. По извѣстію Климентинъ, Симонъ увѣрялъ, что онъ можетъ дѣлаться невидимымъ, въ случаѣ опасности, и снова являться въ видимомъ образѣ; можетъ прорываться чрезъ горы и скалы, бросаться съ высотъ, поддерживаемый на воздухъ небесными силами, чудесно освобождаться изъ узъ, изъ заключенной темницы; можетъ бездушные истуканы превращать въ живыхъ людей, вызывать чародѣйствомъ изъ земли цвѣтушія деревья и кустарники; далѣе—проходить чрезъ огонь, совершенно измѣнять физіогномію, удваивать ее, даже превращаться въ овцу, въ козла съ козлиною бородою и мордою, на отрокѣ заставить расти бороду, летать по воздуху, дѣлать золото и пр.

Совершалъ ли Симонъ что нибудь похожее на это? Отцы церкви—св. Ипполитъ, Іустинъ мученикъ, св. Иринеи, также Оригенъ, Тертуліанъ, блаж. Іеронимъ и др. не сомнѣваются въ томъ, что онъ много совершалъ чудеснаго, но совершалъ нечистою силою. Впрочемъ, надо думать, что если Симонъ пріобрѣлъ себѣ приверженцевъ и сталъ слыть за «великую Божию силу», если онъ успѣшно могъ разыгрывать свою роль въ греско-римскомъ мірѣ, то онъ умѣлъ дѣлать свое дѣло. Съ другой стороны, нельзя же отрицать возможность совершенія чудесныхъ дѣйствій и волхвомъ, судя съ богословской точки зрѣнія, и дѣйствительность такихъ дѣйствій, если вѣрить исторіи. Спаситель предостерегалъ своихъ послѣдователей, что явятся многіе лжехристы, которые совершаютъ *знаменія всмія*. Почему же Симонъ не могъ быть однимъ изъ такихъ лжехристовъ, избраннымъ сосудомъ діавола, по выраженію ап. Петра?

Гдѣ дѣйствовалъ Симонъ? На это даетъ отвѣтъ книга Дѣяній апостольскихъ; здѣсь говорится, что Симонъ пріобрѣлъ себѣ славу «во градѣ Самаріи» (т. е., вѣроятно, въ Кесаріи), гдѣ

случай свелъ его съ апостолами. По разсказу Климентинъ, это обстоятельство представляется въ связи съ враждебнымъ отношеніемъ іудеевъ къ юной церкви Христа въ Іерусалимѣ. Дѣло происходило такъ: іерусалимскіе книжники укоряли апостоловъ, будто ихъ учитель все, что дѣлалъ чудеснаго, дѣлалъ какъ волхвъ, а не какъ пророкъ. Между ними одинъ, «враждебный мужъ» съ особенною злобою преслѣдовалъ приверженцевъ Христа. Этотъ «враждебный мужъ» ворвался въ храмъ и началъ сильно укорять іудеевъ, что они позволили обольщать себя этимъ несчастнымъ людямъ, которые (указываетъ на послѣдователей Спасителя) обольщены маіей. Укоръ, сдѣланный рѣзко, имѣлъ свое слѣдствіе. Въ народѣ поднялся ропотъ и бунтъ противъ бѣдныхъ назорейнъ; ихъ стали вездѣ преслѣдовать и убивать. Кто такой этотъ «враждебный мужъ»? Очевидно, Саулъ, молодой и фанатическій фарисей, который стерегъ одежды убійцы первомученика Стефана. Когда, вслѣдъ за казню Стефана, апостолы и вѣрующіе удалились изъ Іерусалима, этотъ Саулъ, съ письмомъ первосвященника, уполномочившимъ его на преслѣдованіе всѣхъ назорейнъ, поспѣшно направился по дорогѣ къ Дамаску; онъ думалъ, что ап. Петръ пошелъ въ Дамаскъ, по ошибкѣ: Петръ съ прочими апостолами находился въ Іерихонѣ (пальмовомъ городѣ), нѣсколькими милями сѣвернѣе Іерусалима. Во время пребыванія ихъ здѣсь въ постѣ и молитвѣ, приходитъ извѣстіе, что Симонъ волхвъ соблазняетъ на свою сторону многихъ изъ недавно обратившихся послѣдователей Христа, выдавая себя за мессію и обольщая ложными чудесами. Петръ отправляется въ Кесарію, чтобы противодействовать лжемесіи. Плодомъ апостольской проповѣди здѣсь было обращеніе многихъ ко Христу. И самъ волхвъ захотѣлъ за денежную плату получить отъ Петра богатный даръ—руководженіемъ низводитъ Св. Духа; но вмѣсто этого услышалъ слово укора изъ устъ апо-

стола. Симонъ затронулъ больное мѣсто, гдѣ уязвлена была честь честныхъ галилеянъ; наученные евангельскою бѣдності, они меньше всего пускались на стяжаніе золота. Это столкновеніе апостола Петра съ Симономъ волхвомъ описывается и въ книгѣ Дѣяній апостоловъ ¹⁾. Симонъ встрѣтилъ неудачу въ своемъ намѣреніи. Благодатный даръ ему казался магическимъ секретомъ, и онъ досадовалъ, что не знаетъ того, что извѣстно галилейскимъ рыбалямъ. Но хитрый волхвъ на столько владѣлъ сдержанностію характера, что могъ свою неудачу перенести съ благодушною улыбкою. Несчастіе ожидало Симона и съ другой стороны: двое учениковъ его, Никита и Акилла, оставляютъ его и переходятъ къ апостоламъ. Эти два ученика—товарищи его молодости, воспитанные вмѣстѣ съ нимъ въ горахъ Самаріи и думавшіе очень высоко о своемъ учителѣ; тѣмъ не менѣе ихъ беспокоило любопытство: они недоумѣвали, какою силою учитель ихъ совершаетъ магическія дѣйствія.... Симонъ признается имъ, что онъ убилъ ребенка, образъ котораго теперь находится въ его домѣ, и его-то душою творить онъ все, что ему угодно: заколдованная душа является каждый разъ по его требованію. Это объясненіе не удовлетворило одного учениковъ. Одинъ изъ нихъ спросилъ: да какъ же можетъ дѣйствовать душа, оставившая тѣло, когда, по Симону, душа сама безлична, смертна и исчезаетъ по отдѣленіи отъ тѣла? Въ-мигъ (такъ рассказывали Никита и Акилла Петру) измѣнился, поблѣднѣлъ обманщикъ.... Скоро однакоже онъ снова собрался духомъ, сталъ какъ бы надменнѣе сознаніемъ своей мнимой божественности и, въ отвѣтъ на пытливый вопросъ, сказалъ: ужели думаете, что я человѣкъ, подобный вамъ?!... Собственно я не чародѣй, не любовникъ Елены, не сынъ Антонія; нѣтъ, я—

¹⁾ Дѣян. 8. 20—30.

сила вѣчная, безначальная, сынъ Божій, вѣчный, пизшедній во утробу моеѣ матери прежде, чѣмъ она имѣла супружеское общеніе съ Антоніемъ; по вочеловѣченіи стало въ моеѣ власти быть великимъ и малымъ, и обращаться между людьми; васъ избралъ я въ друзья себѣ, чтобы испытать васъ и ввести въ небесныя обители, если окажетесь достойными; только для этого я казался человѣкомъ въ жизни. Силою своею я въ состояніи превращать воздухъ въ воду, а воду—въ кровь и плоть; могу снова вызвать къ жизни и убитого мною ребенка». Въ этомъ самосвидѣтельствѣ видно заимствованіе волхва изъ вѣрованія тогдашней христіанской общины или проповѣди апостоловъ о лицѣ Христа Спасителя. Такъ смотрѣли на это мѣсто Климентій отцы церкви и христіанскіе писатели. Вѣра въ распятаго Богочеловѣка, въ божественное достоинство Христа Спасителя, засвидѣтельствованное чудесами и ясно исповѣданное Его послѣдователями, въ распространяющей общинѣ переходила изъ устъ въ уста. Христіанская община существовала и въ Самаріи. Симонъ провозгласилъ свое мессіанство близко къ тѣмъ понятіямъ, которыя имѣлись въ этой общинѣ. Поэтому въ полемикѣ отцевъ и учителей церкви 2—5 в. противъ симоніанъ третье слово ихъ есть упрекъ еретикамъ за то, что они задерживаютъ распространеніе вѣры въ истиннаго Мессію, присвоивъ себѣ ложно имя христіанъ и перенесши божественное достоинство нашего Икупителя на волхва Симона, который былъ сосудъ сатаны, первенецъ діавола, а не Божій Сынъ. Поэтому и св. Ириней справедливо могъ сказать, что всѣ тѣ, которые извращаютъ вѣру въ распятаго Сына Божія, суть послѣдователи самарянскаго волхва.

Послѣ признанія Симона, ученики его, знавшіе своего учителя товарищемъ своего дѣтства и юности, знавшіе его происхожденіе, воспитанные вмѣстѣ съ нимъ въ горахъ Са-

маріи, вдругъ оставляють его; имъ ясно стало ихъ заблужденіе относительно сына Рахили и Антоція, мечтательнаго Симона.

Съ такимъ признаніемъ приходятъ Никита и Акилла къ апостолу Петру, и руковожденіемъ его и низведеніемъ Св. Духа возрождаются въ новую вѣру—истиннаго Мессіи. Апостоль Петръ объясняетъ имъ различіе истинныхъ чудесъ отъ ложныхъ: первыя служатъ ко благу и душевному спасенію людей, а вторыя ко вреду и пагубѣ души; первыя совершаются силою Божіею, а вторыя—силою бѣсовскою.

Предъ двумя учениками своими Симонъ изложилъ только часть своего ученія и притомъ то только, что ложно перенесъ на свое лице изъ устнаго вѣроученія послѣдователей Спасителя. Но ученіе его заключалось не въ этомъ одномъ; придерживаясь свидѣтельства Климентинъ и христіанскихъ полемистовъ четырехъ первыхъ вѣковъ, мы можемъ представить его въ такихъ чертахъ. Неизслѣдимый, никѣмъ непознаваемый живетъ Богъ въ тайнѣ. Ни творецъ міра, іудейскій Богъ, ни тотъ, который далъ законъ Моисею и Иисусу, ни какая созданная тварь не видѣли безконечнаго свѣта, ибо онъ наполняетъ премірное мѣсто. Высочайшая же сила и могущество Св. Духа, начало всякой мудрости, обѣ въ началѣ бывшія у невѣдомаго Бога, низпосланы съ неба и явились въ лицѣ Симона и Елены. Симонъ—первая божественная сила, создавшая ангеловъ и архангеловъ, какъ существъ міротворящихъ. Елена—первоидея, праматерь мудрости. Пророки древности были только слугами ангеловъ; тотъ же, кто въ него увѣруетъ, сдѣлается сыномъ Божіимъ, нетлѣннымъ, вѣчнымъ: тѣло его пребудетъ нетлѣнно. Безъ такой вѣры глупо думать, что душа безсмертна. Только тѣмъ, кто въ него вѣруетъ, оказываетъ Богъ благодать; такіе не должны бояться угрозъ закона, ибо Богъ избавилъ ихъ суда и нака-

занія. Поэтому они могут поступать и дѣлать что хотятъ и какъ хотятъ. Все у друзей (т. е. послѣдователей) должно быть общее; общеніе половъ должно также совершаться внѣ брачнаго союза: полная любовь та, которая всѣхъ касается.

Такимъ образомъ, ученіе о парномъ вочеловѣченіи Бога составляло основной пунктъ ереси Симона. Нѣтъ сомнѣнія, это ученіе послужило зародышемъ всей гностической системы, явившейся 2 в. спустя, съ ея парными порядками божественныхъ мужескихъ-женскихъ силъ (сизигій) или двоицами. Не даромъ поэтому отцы церкви считали Симона отцемъ 32 партій гностицизма. Конечно, теперь уже трудно опредѣлить, что въ гностическихъ сектахъ принадлежало ересіархамъ и что ихъ послѣдователямъ. Ереси Керинеа, Маркіона, Сатурнина, Кердона, Карпократа, Валентина и др. представляются какъ бы вѣтвями одного дерева, выросшаго изъ зерна, посѣяннаго Симономъ, первымъ по времени гностикомъ.

Симонъ возвѣстилъ міру свое евангеліе; честолюбіе тянуло его стать выше распятаго истиннаго Мессіи и сыграть роль воплотившагося Бога; галилейскіе рыбаки ему казались слишкомъ бѣдными по образованію и уму, чтобы противоdѣйствовать ему. Онъ зналъ рычагъ, которымъ нужно было dѣйствовать, чтобы покорить воображеніе людей и занять надежды ихъ; онъ не сомнѣвался, что сдѣлаетъ для черни изъ себя все, что захочетъ. Обманами онъ успѣлъ покорить воображеніе людей и стать богомъ въ ихъ сознаніи. Онъ—не человекъ вовсе,—такъ выходило по самосвидѣтельству обманщика,—хотя являлся въ человѣческомъ образѣ; въ Іудеи онъ являлся въ призрачномъ тѣлѣ, чтобы пострадать, хотя на самомъ дѣлѣ онъ вовсе не страдалъ; тамъ онъ извѣстенъ за Сына Божія; здѣсь (въ Самаріи)—какъ самъ Отецъ; а у остальныхъ народовъ—какъ св. Духъ.

Мы уже сказали, что первый разъ столкнулся волхвъ съ апостолами въ Кесаріи. Начиная отсюда и до береговъ Оронта, въ цвѣтущихъ городахъ сиро-финикійскаго прибрежья, Птоломаисѣ, Тирѣ, Сидонѣ, Лаодикии, Антиохіи и др., онъ выступаетъ вездѣ въ качествѣ мессіи. Его преслѣдуетъ ап. Петръ, вслѣдствіе чего онъ останавливается въ этихъ городахъ только на малое время. Такъ выходитъ по разсказу Климентинъ. Къ какому времени относятся событія эти? По разсказу книги Дѣяній, по обращеніи своемъ ап. Павелъ отправился на малое время въ Сирію съ проповѣдію о Христѣ; потомъ воротился домой чрезъ Кесарію. Это было между 43 и 44 г. Пятдесятъ дней прежде, разсказываетъ Павелъ, посѣтилъ я Петра во Іерусалимѣ... Значитъ, преслѣдованіе волхва Симона Петромъ относится ко времени не раньше 44 года, такъ какъ до этого времени Петръ еще не оставлялъ Палестины. Посѣтивъ города сиро-финикійскаго приморья, Симонъ отправляется затѣмъ въ Римъ. Сюда стекались магики, астрологи, прорицатели и обманщики всѣхъ сортовъ; пріемъ дѣлали имъ тутъ хорошій; награждали также щедро. Въ развратѣ и роскоши утопалъ гордый Римъ; въ высшихъ кругахъ общества со времени императора Августа господствовала страсть къ астрологіи. Не одинъ молодой Тиверій посвятилъ себя въ таинства астрологическаго искусства и принялъ къ себѣ домашняго астролога Тразилія, который былъ его неразлучнымъ спутникомъ. Каждый знатный римлянинъ свою славу поставлялъ въ домашнемъ астрологѣ. Магіей занимался Неронъ, думая найти въ ней средство управлять и надъ самими богами. Обманщики всюду встрѣчали радужный пріемъ. Сенатъ издавалъ указы объ изгнаніи магиковъ и подобныхъ шарлатановъ, но указы эти исполнялись мало, такъ какъ шли въ разрѣзъ съ общими наклонностями; за однимъ изгнаннымъ въ Римъ являлось ихъ десять

другихъ. Теперь обстоятельства еще болѣе благопріятствовали Симону. Съ 41 года на императорскій престолъ, послѣ Калигулы, который, не смотря на свои 50 лѣтъ, отличался дѣтскимъ характеромъ, слабодушнымъ и слабоумнымъ, вступилъ Клавдій, этотъ ублюдокъ природы, какъ назвала его собственная мать. Имперіей за него управляла развратная Мессалина. Впрочемъ римское общество не отрезвилось и послѣ. По свидѣтельству Лукіана, спустя 100 лѣтъ здѣсь разыгрывалъ роль самаго наглаго обманщика нѣкто Александръ пафлагонецъ, выдававшій себя за бога Гликона. Знаменитыя римлянки открыто хвалились, что имѣютъ дѣтей отъ этого бога. Римъ же посѣщалъ два раза, при Неронѣ и Веспасіанѣ, Аполлоній Тіанскій, отъ Клавдія до Домиціана пользовавшійся такою громадною славою въ цѣломъ греко-римскомъ мірѣ.

Что Симонъ посѣщалъ Римъ,—это не должно подлежать сомнѣнію. Блаженный Θεодоритъ говоритъ, что хотя волхвъ этотъ имѣлъ три раза неудачу въ столкновеніи съ апостоломъ Петромъ, но все-таки не послушался истины, пока въ царствованіе Клавдія не отправился въ Римъ. Св. Иринеѣ свидѣтельствуется, что Симонъ при Клавдіѣ въ такое изумленіе приводилъ римлянъ, что они почтили его статусей. Блаженный Іеронимъ передаетъ, что Симонъ во второй годъ царствованія Клавдія (42—43 г.) былъ побѣжденъ Петромъ въ Римѣ. Если заподозрить послѣднее свидѣтельство, все-таки не должно быть заподозрѣно пребываніе Симона въ Римѣ. Обыкновенно говорятъ, что посѣщеніе такъ рано апостоломъ Петромъ Рима придумано для того, чтобы основаніе христіанской общины въ Римѣ или церкви отнести къ какому нибудь изъ 12 ти апостоловъ, какъ и для того, чтобы дать возможность ученику Христа въ виду вѣчнаго города посрамить волхва. Но извѣстно, что уже при императорѣ Клавдіѣ въ Римѣ су-

ществовала христіанская община, стало быть—ок. 42—44 г., т. е. въ то время, когда апостолъ Петръ находился еще въ Палестинѣ. Светоній въ «жизни Клавдія» рассказываетъ, что этотъ государь издалъ указъ объ изгнаніи іудеевъ изъ Рима за то, что они производили смуты между послѣдователями Христа. Впрочемъ вопросъ: посѣщалъ ли Петръ Римъ раньше этого времени и онъ ли первый основалъ христіанскую общину здѣсь, не можетъ быть рѣшенъ окончательно. Извѣстіе о пребываніи апостола Петра въ Римѣ не связано ни съ какимъ событіемъ или лицомъ, кромѣ сказанія о побѣдѣ его надъ Симономъ въ Римѣ ¹⁾ и мученичествѣ во время Неронова гоненія (ок. 64—67 г.). Важнѣйшее свидѣтельство о пребываніи нашего волхва въ Римѣ принадлежитъ Іустину мученику. Въ царствованіе Клавдія, такъ рассказываетъ Іустинъ, Симонъ показывалъ свое искусство въ Римѣ, и сенатъ и народъ приводилъ въ такое изумленіе, что почтили его наравнѣ съ другими богами, даже поставили ему статую на одномъ изъ острововъ Тибра, съ надписью: «священному богу Симону». Изъ этого свидѣтельства видно, во 1-хъ, что Симонъ волхвъ былъ въ Римѣ при Клавдіѣ; во 2-хъ, что тамъ приводилъ онъ народъ въ удивленіе, и въ 3-хъ, что почтенъ былъ статуей. Тюбингенскіе критики однакоже нашли чѣмъ подорвать достовѣрность этого свидѣтельства. Въ 1754 г. на островѣ Тибра, близъ Рима, выкопали камень, служившій подножіемъ какой-то статуи и носившій такую надпись: *Semoni Sancto, Deo Fidio!* Кто такой этотъ Семонъ Санкусъ или богъ Fidius? Это древній сабинскій полубогъ, имѣвшій храмъ на Палатинскомъ, а по другимъ на Квиринальскомъ холмѣ. Семонъ тоже самое, что Симонъ, Санкусъ тоже, что Сангусъ (*sanctus*). Если памятникъ не

¹⁾ Neander. Geschichte d. christliche Kirche u. Rel. B. 1. Th. 1 111—12 ss.

принадлежит Симону волхву, что несомненно, то, значитъ, и свидѣтельство Іустина философа о пребываніи самарянскаго волхва въ Римѣ не вѣрно. Такъ разсуждаютъ тюбингенскіе критики и дальше поясняютъ, что Іустинъ видѣлъ во 2 в. въ Римѣ статую съ надписью: «священному богу Симону» и отнесъ ее къ Симону волхву. Отсюда заключилъ онъ и о пребываніи его въ Римѣ и о томъ, что онъ приводилъ народъ въ удивленіе и пр. На чемъ основаны эти заключенія?—Рѣшительно на произвольныхъ предположеніяхъ. Св. Іустинъ былъ землякъ Симону, въ юности самъ принадлежалъ къ симоніанамъ, учился въ ихъ школѣ, и зналъ всѣ преданія объ ересіархѣ, которыя тогда еще сохранялись въ живої памяти между его соотечественниками и приверженцами. Такимъ образомъ, не по своимъ личнымъ догадкамъ, а на основаніи слышаннаго отъ своихъ земляковъ, онъ могъ говорить о Симонѣ волхвѣ. Изъ того, что на Палатинскомъ или Квиринальскомъ холмѣ былъ храмъ сабинскому полубогу Семону или Симону, почитавшемуся въ Римѣ, не слѣдуетъ, что Симонъ волхвъ, о которомъ свидѣлствуется Іустинъ мученикъ, есть именно этотъ сабинскій полубогъ. Изъ этого можно скорѣе сдѣлать другія заключенія, именно: такой прозорливый человѣкъ, какъ Симонъ волхвъ, по прибытіи въ Римъ, не вдругъ вздумалъ бы выставлять себя народу за бога. Обходя и ознакомливаясь съ римскою жизнію, онъ могъ найти нѣкоторыя совпаденія между событіями, пригодныя для его цѣли, и нашедши могъ дѣло повести точно также, какъ повелъ апостоль Павель въ Аѳинахъ. Не догадливъ быть бы Симонъ, если бы онъ, увидѣвши статую древне-сабинскаго бога съ надписью: «священному Симону, богу правды», не воспользовался этимъ и не объявилъ бы себя этимъ самымъ богомъ—воплотившимся. Въ Римѣ, какъ мы видѣли, это не составляло большой трудности и риска—прослать сумазбро-

домъ или обманщикомъ. Именемъ «Симонъ» сабиняне выражали понятіе о небѣ. Соответственно этому, Симонъ могъ указать на свое небесное происхожденіе; сабиняне называли своего бога священнымъ, праведнымъ,—и самарянской волхвъ увѣрялъ своихъ послѣдователей, что они освящаются въ вѣнѣ брачномъ половомъ общеніи. Въ развращенномъ Римѣ, гдѣ существовали тысячи родовъ наслажденія, гдѣ сладострастіе достигло до неестественности, ученіе самарянскаго пророка долженствовало пасть на свою настоящую почву; здѣсь-то могъ Симонъ открыто и свободно учить, во вкусѣ тогдашнихъ римлянъ и римлянокъ, какъ передаетъ св. Ипполитъ, что половое общеніе должно совершаться безъ разбора, вѣнѣ брачнаго союза, поелику «каждая земля—земля, и нѣтъ никакого различія, гдѣ бы кто ни посѣялъ, лишь бы посѣялъ». Очень могло статься, что и развратная Мессалина днемъ слушала наставленія Симона, а ночью предавалась разврату въ его же священныхъ объятіяхъ. По крайней мѣрѣ, спустя 100 лѣтъ, знаменитыя римлянки высшаго круга открыто хвалились, что удостоились объятій Александра Пафлагонца, выдававшего себя за бога Гликона. Конечно, между тогдашними римлянами могли найтись люди, изъ стоической школы, цѣломудреннаго чувства и здраваго взгляда на вещи, которые должны были улыбнуться на сумазбродныя рѣчи подобныхъ мечтателей и обманщиковъ или съ гнѣвомъ спросить: что бродяга этотъ хочетъ сказать? Но это не могло помѣшать Симону войти во вкусъ римскаго общества и привязать къ себѣ какъ чернь такъ и образованную публику.

Изъ Рима дѣятельность свою Симонъ переноситъ въ Антиохію, гдѣ сходились многіе народы—греки, римляне, іудеи, самаряне, и откуда апостолъ Павелъ предпринималъ свое первое и второе путешествіе съ Варнавой. Здѣсь самарянской волхвъ также приобрѣлъ себѣ послѣдователей; фокусы

*

его состояли въ измѣненіи лица, такъ что его нельзя было будто узнать. Климентины рассказываютъ, что онъ могъ измѣнять и фізіогномію другаго, безъ его вѣдома и желанія. Въ чемъ состоялъ секретъ послѣдняго рода, трудно рѣшить. Изъ Антиохіи Симонъ, ночью и измѣнивъ лицо, удалился въ Лаодикію, а по другимъ—въ Іудею. Причиною удаленія послужилъ указъ римскаго градоначальника о его изгнаніи. Это составляетъ заключительный эпизодъ исторіи Симона по Климентинамъ.

Въ Антиохіи въ то время усиливалось христіанство подъ вліяніемъ апостола Павла, и она становилась исходнымъ пунктомъ распространенія христіанства между язычниками. Это обстоятельство, водвореніе и усиленіе христіанской общины въ Антиохіи, также внушало волхву, что роль его здѣсь окончена. Къ этому присоединилось другое несчастье, огпаденіе отъ него послѣдняго ученика. Ученикъ этотъ былъ, вѣроятно, Менандръ, по свидѣтельству Іустина мученика самарянина по происхожденію, изъ деревни Кашаретъ, исцѣленный Симономъ отъ нечистаго духа. Іустинъ говоритъ, что этотъ Менандръ, своимъ магическимъ искусствомъ обольщалъ народъ въ Антиохіи, и увѣрялъ своихъ послѣдователей, что они не умрутъ. Даже и теперь есть (прибавляетъ Іустинъ мученикъ) приверженцы его, которые думаютъ такъ и надѣются на это счастье. Блаженный Θεодоритъ, имѣвшій у себя сочиненіе Іустина—противъ менадріанъ, передаетъ, что Менандръ еще во время апостоловъ обольщалъ народъ въ Антиохіи. Евсевій кесарійскій также свидѣтельствуешь, что менадріане называли себя христіанами ¹⁾, считая мес-

¹⁾ Этимъ именемъ называли себя и симониане. Въ апокалипсѣ христіанскихъ писателей, Іустина философа, Домицианъ и др., встрѣчаются значительныя пункты противъ обвиненія язычниковъ, будто христіане устраиваютъ ночныя собранія, для предаются повальному грѣху. Это обвиненіе основано только на фактѣ; но дѣло въ томъ, что язычники смѣшивали христіанъ съ симонианами. Послѣднихъ обвиняетъ и Іоаннъ Богословъ въ Апокалипсисѣ подъ именемъ николитанъ, какъ увидимъ ниже.

сией своего учителя, который своимъ легкомысліемъ, прибавляетъ историкъ, превосходилъ печестіе Симона. Далѣе извѣстно, что Менаандръ заимствовалъ у христіанъ обрядъ крещенія. Тертуліанъ такъ выражается о Менаандрѣ: нужно плакать о безуміи Менаандра, который увѣряетъ, будто его послѣдователи не причастны смерти, будто съ его крещеніемъ они становятся петлѣнными и участниками вѣчной жизни. Что Менаандръ принадлежалъ къ обществу учениковъ Симона, видно изъ ученія его о половомъ общеніи, такъ ненавистнаго блаж. Августину.

Указъ римскаго градоначальника, успленіе христіанской общины и наконецъ отпаденіе Менаандра побудили Симона оставить Антиохію. Онъ отрясъ пыль отъ ногъ своихъ и пошелъ по свѣту. Хотя въ часы безсилія вѣра его, въ свою звѣзду должна была бросать его, но болѣзненное честолюбіе и ненависть къ назореевѣнъ должныствовали возбуждать упдающую энергію къ сѣянію плевелъ на нивѣ Христовой.

Около времени удаленія Симона изъ Антиохіи апостолъ Павелъ съ Варнавою путешествовалъ на островъ Кипръ, гдѣ въ г. Паѳосѣ встрѣтилъ лжепророка и волхва, который, называлъ себя іудеемъ Баръ-Іешу, т. е. сыномъ Іисуса, и изъяснялъ это имя другимъ именемъ—Елимасъ, т. е. коробка или покрывало. По разсказу книги Дѣяній, этотъ Баръ-Іешу при правителѣ Сергіѣ (ок. 43—53 г.) въ Паѳосѣ развращалъ народъ. Нельзя не подумать, что подъ именемъ Баръ-Іешу (ученикъ Іисуса, подобно названію учениковъ пророковъ сынами пророческими) или Елимасъ *скрывается* волхвъ Симонъ, захотѣвшій испробовать свое счастье подъ новымъ именемъ—ученика или апостола Іисуса. Апостолъ Павелъ коротко изъяснилъ, что это не сынъ, не апостолъ Христа, а сынъ сатаны, извращающій путь Господній, который и получить достойное наказаніе отъ руки Господа. Апостолъ

Петръ называетъ (по Климентинамъ) Симона, подобно этому, «злымъ облекшимся въ сіяніе свѣта». Несомнѣнно доказать, что Баръ-Іешу—Симонъ волхвъ, конечно, нельзя. Можетъ статься, что то былъ кипрскій іудей, другой Симонъ, который на островѣ Кипрѣ совращалъ народъ и при Феликсѣ, послѣ. По свидѣтельству Іосифа Флавія, этотъ Симонъ выдавалъ себя за мессію, за воплотившагося Бога, и пріобрѣлъ многихъ послѣдователей своимъ ученіемъ о свободѣ полового общенія. Для Феликса, человека развращеннаго (любownika трехъ царицъ, по отзыву Светонія), Симонъ служилъ сводникомъ. Извѣстно, что одна изъ трехъ сестеръ Агриппы, Друзила, была замужемъ за Яцидемъ, царемъ емесскимъ, принявшимъ іудейство. Симонъ отбилъ ее у мужа, жилъ съ нею, а потомъ присваталъ Феликсу ¹⁾. Отъ этого брака родился Агриппа младшій, погибшій 12-ти лѣтъ, съ своею матерью, при изверженіи Везувія. Нѣкоторые историки ²⁾ ни мало не сомнѣваются въ томъ, что кипрянинъ Симонъ—одно лице съ Симономъ волхвомъ въ книгѣ Дѣяній, чего нельзя, кажется, отрицать, судя по сходству ученія и личныхъ чертъ обоихъ.

(Окончаніе будетъ)

¹⁾ Juven. sat. 17.

²⁾ Jost. Geschichte der Juden. Theil. 1. 426—27.